

30/IX 80

Шопен

● ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ СТИЛИ

Соб. Музаралт, 1986, 30 сент.

ТРИ СОНАТА ШОПЕНА

Есть в жизни нашей события, воспринимаемые умом только, но не сердцем, оставляющие, как и все, не затрагивающее душу, слабый отпечаток в нашей памяти, тускнеющий со временем, как старая фотография. Но есть и другие — те, что запоминаются надолго и живут в нас как цельный, яркий образ. Такие события редки и воспринимаются как нечто долгожданное и в то же время неожиданное — в этом их прелесть.

Уверен, все, присутствовавшие на заседании проблемной группы «Исполнительские стили» и слышавшие выступление проф. В. В. Горностаевой, отнесли это событие к разряду ярких и запоминающихся. «Эволюция стиля Шопена на примере трех фортепианных сонат» — такова была тема. Но как определить «жанр» этого выступления — доклад, лекция, беседа? Скорее — трехчастное эссе со свободными, но необходимыми отступлениями и органично вплетающимися иллюстрациями.

Написано о Шопене много, сказано — во много крат больше, музыка его исполняется часто и повсюду — и не иссякает интерес к нему: ведь в музыке этого композитора каждый находит для себя нечто свое, сокровенное, одному ему близкое. У каждого — свой Шопен, и это так же естественно,

как то, что у любого из нас — свои далекие, спрятанные глубоко в душе, волнующие воспоминания. Тому пример — выступление В. В. Горностаевой, когда глубокий и разносторонний анализ «согревался» любовным отношением к музыке Шопена, придававшим этому «действу» одновременно блеск и задушевность.

Разговор шел о трех сонатах, но одновременно в поле зрения оказывалось все шопеновское творчество. Каждая соната как бы «высвечивалась» двумя лучами: один «луч» — сонатное творчество композитора, когда рассматриваемая соната ставилась на «отведенное» ей место в ряду двух других, второй «луч» — фортепианное творчество Шопена в целом, когда привлекались меткие и отнюдь не бросающиеся в глаза жанровые и стилистические аналогии.

Довольно распространен взгляд на Шопена как на композитора малых форм, для которого сонатный цикл — если не совершенно чуждое, то уж и не близкое его натуре, его чувству формы. Мнение это было полностью развенчано Верой Васильевной, которая доказала, что Шопен не только прекрасно владел сонатной формой, но и, что гораздо важнее, в сонатах своих (включая и до минорную!), в развитии

сонатной концепции явился ярчайшим новатором-романтиком.

Интересно и образно была развернута эволюция авторской концепции. Первая, до минорная соната была охарактеризована как «сквозной романтический монолог», в котором чувствуется влияние литературного романизма. Эта «сцена» столь редко исполняемая, традиционно, — остается незримым, во многом еще несамостоятельным сочинением. И тем не менее В. В. Горностаева сумела раскрыть все то новое и самобытное, что сделало это произведение «в высшей степени новаторским для своего времени».

Наиболее блестящим и убедительным был, на мой взгляд, анализ второй, си бемоль минорной сонаты, анализ глубокий и разносторонний. Трехчастный «сюжет» был раскрыт через эволюцию мажорной темы.

И, наконец, третья, си минорная соната была определена как «синтез юности со зрелостью», как «возвращение к сквозному монологу», но уже на качественно ином уровне, на основе необычайного конструктивного совершенства.

Выступление В. В. Горностаевой вызвало несколько дискуссионных замечаний, которые только подтвердили яркость и неоднозначность этого события.

В. ДУЛОВ,
ассистент-стажер.